

СКАЗКИ

БАБКИ

ДАВЫ

Надежда Топтыгина

**СКАЗКИ
БАБКИ
ДАДЬИ**

г. Черняховск
2009

84Д2
058

Öřòùãëíà Í.Ñ. Ñëàçëè áàáëè Äàðüè. –
×ãðýõí àñè, 2009. – 68 ñ.

Топтыгина Н.С.
СКАЗКИ БАБКИ ДАРЬИ

Макет, верстка: Е. Ищенко
Корректор Е. Ищенко

© Надежда Топтыгина, автор. 2009.

САПУН-ГОРА

Над селом над Панкрушихой
Светит месяц золотой.
Во дворе морозно, тихо,
Всюду царствует покой.

Красны девицы и парни
В этот поздний зимний час
Постучались к бабе Дарье,
Чтоб послушать новый сказ.

– Правда ль, милая бабуся,
Что на той Сапун-горе
Свиньи пегие пасутся
И танцуют при луне?

Расскажи нам всё, что знаешь,
Ничего не утай!
Отчего ж ты так вздыхаешь?
Что же так тебя томит?

– Что вздыхаю? Вспоминаю
То, что былою поросло...
До сих пор не понимаю,
Что тогда произошло.

Вы садитесь на скамейку,
Что у самых у ворот...
Кто-нибудь пусть Еремейку
Спать до дедушки сведёт.

Хоть в шубейке — всё ж замёрзнет.
Вон метель уже метёт...
А парнишка сказку просит,
Так и смотрит бабке в рот.

— Ну, как знаешь, оставайся.
Я же сказывать начну.
Только, чур, ты не пугайся,
Если чёрт сопрёт луну.

...В тот годочек я тихонько
Стала розой расцветать.
Женихов сыскалось столько —
Сразу всех не сосчитать.

Но один мне был по сердцу,
Лишь к нему летел мой взгляд.
Жил он рядом, по соседству,
Был красив, но не богат.

За селом, за дальней рощей,
На крутой Сапун-горе
Часто с ним, моим пригожим,
Я гуляла при луне.

Вот однажды, в зимний вечер,
Торопились мы домой.
С ног сбивал нас ветер встречный,
Выл, стонал, как домовый.

Вдруг откуда-то пред нами,
Словно бы из-под земли,

Домик вырос. Так руками
Мы б построить не смогли.

Сколько помню, здесь на горке
Никогда никто не жил,
Зверь — и тот бежал сторонкой,
В небе ворон не кружил.

Видим, в окнах засветился
Свечки жёлтый огонёк.
Мой любимый любопытства
Побороть в себе не мог.

Мы тогда с ним по сугробам
Подошли взглянуть на дом,
Интереса ради оба
Затаились под окном.

Видим, ух ты! Стол для пира
Посреди избы стоит,
На столе и дичь, и вина,
И соленья в аппетит.

За столом — двенадцать женщин,
Все, как в сказке, хороши,
Все нагие, телом нежны,
Но, как будто, без души.

Среди них была царица.
Ох! Свежа, как первый снег,
Осторожная, как львица,
И затейница утех.

Смотрит глазками налево,
Будто ищет там кого,
Может принца-кавалера,
Иль супруга своего.

Загрустила... Взглядом только
Всем велела пировать,
А сама, вздыхая горько,
Вновь кого-то стала ждать.

Дверь тихонько приоткрылась,
И вошёл с морозу гость.
Мне такой красоты не снилось
И встречать не довелось.

А царица так степенно
Обернулась вдруг к нему,
И пошла, держась надменно,
Поцелуй дарить ему.

Волос русый весь струился
По плечам до самых пят,
Взгляд любовью засветился,
На устах — забвенья яд.

В дверь, распахнутую настежь,
Ветер шальный проскочил,
И царицу, это надо ж,
Для потехи оголил.

Шёлк волос её, как волны,
Приподнял до потолка

И, целуя их, невольно
Пал рабом к её ногам.

Красота была такая,
Что пером не описать:
Вся точёная, литая,
В свете краше не сыскать.

Но что видим? Ужас просто!..
Словом разве передать?..
У царицы сзади хвостик
Стал туда-сюда вилять.

Гость шагнул к своей любимой,
Всю её расцеловал
И в ответ услышал: — Милый,
Мой бесценный Краснотал.

Он в восторге закружился,
Вкруг стола прошёлся с ней,
У окна остановился,
Задом к нам, лицом же — к ней.

Мы во все глаза глядели
Сквозь оконце на него,
Наши души леденели,
Ноги судоргой свело.

— Отчего ж?
— Да у красавца
Сзади хвост висел кнутом,
Вместо ног копыта!..

– Братцы!..
– И рога в кудрях – торчком.

Плясовая зазвучала,
Визг, потеха, смех и грех...
Это было лишь начало
Всех их бесовских утех.

Все двенадцать дев плясали
Чёрт-те что и чёрт-те как!
Пол хвостами подметали
И повизгивали в такт.

Вдруг царица средь веселья
Что-то милому велит:
То ль прикрыть входные двери,
То ль вина в бокал налить.

Тут он к нам и обернулся,
Глянул прямо мне в глаза,
Белозубо улыбнулся,
Что-то нежное сказал.

Стал манить к себе рукою,
Протянул к окну бокал,
Мол, испей вина со мною
И спешу на карнавал.

Я ж к окну словно прилипла –
Оторваться не могу,
Будто держит злая сила,
Каплет на душу тоску.

Мой милёнок Бога даже
Умолял меня спасти,
От бесовской силы вражьей
Ноги с мест тех унести.

Может быть, от той молитвы
Я отлипла от стекла
И от взгляда тёмной свиты
Прочь летела, как стрела.

А царица и девицы –
Все на мётлы – и в трубу!..
Ну а мы – быстрее птицы
С той горы неслись в пургу.

Сверху в нас вонзались когти,
Сзади чёрт нас донимал,
Всю одежду нам в лохмотья
Тот красавчик изорвал.

И нас вдруг Святая сила
Подхватила, понесла...
Ведьма сзади вьюгой взвыла
От бессилия и зла.

Бог услышал! Бог в подмогу!
Мы у самого крыльца...
Не поверите, ей-богу
На нас не было лица!

– А что с ведьмочкою стало?
И куда девался чёрт?

— Я ещё не досказала...
Ведь всему же свой черёд.

Говорят, что и поныне
На Сапун-горе порой
В полнолуние пляшут свиньи,
Что у них там пир горой.

Говорят, что принц прекрасный
Обитает на горе,
Что милей он зорьки ясной,
Что всегда в одной поре.

Говорят, что в краснотале
Дремлет днём он у реки,
Будто там его видали
Наши парни-рыбаки.

Мол, у принца есть невеста —
Волос русый и до пят!
Я ж туда теперь — ни с места...
Пусть хоть золотом одарят.

Я с тех пор туда — ни шагу!
В лес другой тропой хожу...
А теперь пойду, прилягу,
Спать пора и малышу.

Тут ребята и девчата
Со скамейки сорвались,
Без оглядки в свои хаты,
Как на крыльях, понеслись.

... Где-то за полночь утихла
Серебристая метель.
Месяц плыл над Панкрушихой,
Предвещая новый день.

ПЕРУНОВ ОГНЕЦВЕТ

Посвящаю своей сестре Нелли.

В ночь накануне Ивана Купалы,
В ночь с шестого на седьмое,
В ночь в начале июля
На свет появилась эта история.

— Баба Дарья, правда ль это,
Правда ль это или нет,
Что лишь в полночь в дебрях где-то
Расцветает огнецвет?

Тяжело вздохнула бабка,
Устремив на небо взор
И, слезу смахнув украдкой,
Начала свой разговор.

— Испокон веков в народе
То сказание живёт,

Будто леший колобродит,
Там, где папротник цветёт.

А цветёт он только в полночь
При сиянии луны,
В час, когда в лесу хохочет
Леший — царь той стороны.

От такого смеха в пятки
В страхе пятится душа,
Но смельчак всё ж без оглядки
Должен путь свой продолжать.

Ветер будет рвать одежду,
Ухнет ворон там совой,
Холодком дохнет на вежды
Всякой твари чёрный рой.

Но сквозь козни тёмной силы
Кто по дебрям тем пройдёт,
Для него лучистый, милый
Цвет Перунов расцветёт.

В ночь такую всей деревней
Шли гурьбой мы в тёмный лес,
Жгли костры и с нетерпеньем
Ждали всяческих чудес.

Взявшись за руки, взлетали
Мы, как птицы, над костром,
Хором пели и плясали
Стар и млад в лесу ночном.

Бог Перун с высот небесных
Всё посматривал на нас,
И ему вдруг захотелось
С нами выйти в перепляс.

Он в одно мгновенье ока
К нам спустился с высоты
И очам, как ясный сокол,
Вдруг предстал из темноты.

Был он так хорош собою,
Так приятен, так учтив,
Светло-русый, чернобровый,
Не заносчив, не спесив.

Вместе с ним я через пламя
Пролетала, как стрела.
Ночь, улыбкою сияя,
В хоровод к селянам шла.

К самой полночи с огнями
По тропе ушли мы в лес.
Леший всё мелькал пред нами,
И волчком крутился бес.

Мы с Перуном то ль отстали,
То ль от всех вперёд ушли,
Только помню, что плутали
В незнакомой мне глуши.

Вдруг, о, чудо! Нас тропинка
На поляну привела,

Где, казалось, и былинка
Тёплой радугой цвела.

И сказал Перун: — Даринка,
Глянь, тут папротник цветёт!
Знай, что скоро от развилки
В дом твой счастье завернёт.

Я стояла и смотрела
На Перуновы цветы.
И душой, и сердцем млела
От их дивной красоты.

Аромат душистый, нежный
В лепестках благоухал.
Лунный свет так безмятежно
Над поляною сиял.

Огнецвет, такой желанный,
Бог Перун мне подарил.
Но сказал, что утром рано
Цвет растает, словно дым.

— Ты цветок держи покрепче,
На него лишь и смотри:
Вспыхнет ярче — в этом месте
Самоцветов клад зарыт.

Если цветик разгорится
Ярче жаркого огня,
Значит, где-то здесь таится
Кладовая янтаря.

Если вспыхнет изумрудом
Огнецвет во тьме ночи.
Значит, где-то здесь, под спудом,
Бьют подземные ключи.

Если всё тебе понятно,
Если всё ты в толк взяла,
То не мешкай и обратно
Возвращайся до села.

А на память полушалок,
Шитый золотом, возьми.
В будни, в праздник ли — подарок
Обязательно носи.

Вот тебе и провожатый,
Мой любимый серый волк.
Он тебя, как конь крылатый,
В отчий дом доставит в срок.

Я уселась поудобней.
Бог Перун сказал: — Пора!
Миг! И я уже у дома.
Волк же скрылся со двора.

Над тайгой когда летела,
Огнецвет сиял сто крат.
Я ж приметить не успела,
Где какой сокрыт был клад.

Но вот ключ с живой водою
Без труда могу найти:

В этом месте пред зарёю
Пташка ранняя свистит.

С той поры я в праздник, в будни
Полушалочек ношу.
Он и греет и голубит,
Я им очень дорожу.

Сказка это или правда —
Мне одной лишь знать дано...
А теперь — домой, ребята,
Вон заря глядит в окно.

В этот миг на полушалке
Заиграл вдруг Огнецвет!
Вот вам, милые ребятки
На вопрос ваш и ответ.

ВЪАДЪМА

Бабка Дарья вечерами
Приходила к воротам,
И, усевшись между нами,
Сказки сказывала нам.

Шелохнуться мы боялись,
Чтоб чего не пропустить,

В темноте друг к другу жались,
Слух стараясь навести.

И однажды бабка Дарья
Рассказала сказку-быль.
Вот история какая —
То ли правда, то ли пыль.

— В том селе, где я родилась,
Была женщина одна.
От людей она таилась,
В жизнь смотрела из окна.

Про неё молва ходила,
Будто ночью на горе
Хоровод из ведьм водила
И летала на метле.

Волос длинный распускала,
Распускала до колен,
И нагой в костёр скакала,
Попадая к чёрту в плен.

И с рогатым улетала
Вместе в небо на метле,
И с шабаша пропадала
В предрассветной талой мгле.

Но то слухи. Быль иль небыль?
Видел кто-то? Докажи!
Утром просыпалось небо,
И грибные шли дожди.

Был у женщины далёко
За границу сынок.
Он учился ладно, долго
И приехал к дому в срок.

Ох, хорош он был собою!
Кучеряв, высок, умён,
Белолицый, чернобровый,
С волосами, словно лён.

Он под вечер на гулянье
К девкам вышел за село,
И меня, девицу Дарью,
Вслед за ним вдруг понесло.

Мы весь вечер то плясали,
То водили хоровод,
Все обувки истоптали,
Но домой никто нейдёт.

Этот парень всё со мною,
Ни на шаг не отстаёт.
Я блистала красотой,
Да и ум мой шел в расчёт.

Вдруг в середине хоровода
Змеи спутались в клубки.
И шипят — напасть готовы.
Все прижали каблуки.

Но одна змея взнаглела,
Смотрит прямо мне в глаза.

Я от страха онемела.
Слышу, кто-то мне сказал:

— По добру и по здорову
Уходи к себе домой.
Парня этого не трогай,
У него удел другой.

После этого сокрылась
Та змеина голова.
В никуда, как испарилась,
Ядом взбрызнув те слова.

Все бегом от той поляны...
Мой приезжий тож дрожит.
Смотрим, на дороге прямо
Столб огня нас сторожит.

Мы бегом вдвоём в сторонку,
А под ноги нам свинья...
Нас огнём палит вдогонку,
И опять же слышу я:

— Уходи с его дороги!
У него другой удел.
Подойдут женитьбы сроки —
Выбор сделан среди дев.

И бежим мы без оглядки
Оба белые, как снег,
Смотрим, кошка, словно в прятки
Поиграть зовёт. Вот грех!

Вот уж когти распустила,
На меня их норовит,
Из ноздрей огонь пустила,
Вот-вот-вот нас запалит!

Тут приезжий изозлился,
Кошку хватать своей рукой!
Кое-как уж изловчился —
Кошку оземь головой!

А поутру сын проснулся
И спросил родную мать:
— Что ты хвора? Что случилось?
И тебя уж не узнать!

Прочему глаза подбиты.
Кровью пенится губа,
Ноги кем-то перебиты,
Перевязана рука?

Зелье варишь?.. Для кого же?
Так скажи мне, мать моя!
— Сын любимый, не тревожься,
Нет ведь дыма без огня.

Просто я вчера упала
Так неловко у реки,
Руки, ноги поломала,
Исцарапала виски.

Знай, сынок, пройдёт неделя.
Снова в силах буду я.

А пока — подай мне зелья,
Поврачай скорей меня!

— Ну а дальше, баба Дарья!
— Дальше новый будет сказ.
Вон заря уж молодая
Светом ясным занялась.

Бабка встала и тихонько
В дом свой старенький вошла,
Чтоб вздремнуть до первой зорьки,
Позабыв про все дела.

ДОМОВОЙ

— Баба Дарья, вот мы снова
Все к тебе пришли,
Расскажи про Домового..
Просим, — расскажи!

— Расскажу, куда я денусь?
Слову я верна.
Вот пойду, теплей оденусь —
Ночь-то холодна.

Засветились в небе звёзды
И взошла луна,
Млечный Путь рассыпал косы
Вдоль всего села.

Край таёжный тихо дремлет
В лунной синеве,
И скользит озябший ветер
По речной волне.

Наконец-то наша бабка
Вышла на крыльцо.
В расписной свой полушалок
Спрятавши лицо.

Молодёжь ее в серёдку —
Так-то ей теплей,
Кто-то тихо шепчет сбоку:
— Начинай скорей!

— Что ж, начну! Пришло, знать, время
Быль ту рассказать,
Надоело это бремя
В пазухе держать.

В те года была я краше
Утренней зари,
Парни всей округи нашей
Клялись мне в любви.

Но я их не замечала —
Был мне мил другой.

Вот о нем-то и мечтала
Я во тьме ночной.

Кто он, чей, откуда родом,
Из каких он стран?
Благородного ли рода?
Знать никто не знал.

Был он чем-то не похожий
На других парней,
Может, слишком был пригожий,
Может, всех добрей.

Что-то было в нём такое —
Словом не сказать...
Будто что-то неземное
В нём сокрыла мать.

Он, бывало, мельком глянет
В синий небосвод
И с лица как будто свянет,
Как на нет сойдёт.

Как-то раз, в лесу осеннем
Филин протонал —
Милый мой метнулся тенью
И незримым стал.

Я от страха закричала:
— Где ты, милый друг?!
В темноту с тоской взирала —
Никого вокруг!

Это стало повторяться —
То он здесь, то — нет!
Стала я его чураться,
Стал он мне во вред.

Похудела, подурнела,
Аппетит пропал,
Как от порчи заболела —
Свет не мил мне стал.

Я слегла в постель надолго —
Во, какая страсть!
На душе жила тревога:
— Надо мной — чья власть?

Но когда в окно светила
Полная луна,
Тень с небес ко мне сходила.
Как с реки волна.

Мне казалось, голос друга
Слышу я сквозь сон,
Я к нему тянула руки
Сквозь стекло окон.

Он дарил мне поцелуи
И слова любви,
Но так что ж тогда нас губит,
Чей же яд в крови?

Лишь луна зайдет за тучи —
Тень уж вслед за ней...

Кто же нас так долго мучит
Ревностью своей?

А ведь я всегда же смелой,
Разбитной была.
Отчего сухим поленом
Я в постель слегла?

Прогоню-ка этой ночью
Все худые сны,
Не сомкну на миг я очи
И дождусь луны.

Я спрошу Селену чинно,
Что она таит?
Не она ли тенью сына
Крепко дорожит?

Если так — болезнь рукою
Мигом разведу,
Посмеюсь я над собою —
Снова расцвету.

Я с трудом, но всё же встала,
Вышла на крыльцо.
Горстку листьев ветер шалый
Кинул мне в лицо.

А луна, вот чародейка!
Из-за туч глядит.
— Эй! — кричу я ей, — злодейка,
Кто мне зло творит?

Ну-ка, тучи, расступитесь,
Сгиньте с моих глаз!
Что вы овцами-то сбились?
Темень из-за вас!

Я хочу с самой Селеной
Нынче говорить,
И о самом сокровенном
Душу ей излить.

Тучи — миг и расступились,
Вот она, Луна!
Все черты тоской светились —
Не больна ль она?

С ней по Млечной по тропинке
Свита вся спешит,
А во мне — ну ни кровинки! —
Всё во мне дрожит.

Убежать бы незаметно —
Да в ногах нет сил...
Млечный Путь свой хвост приметный
Ярче засветил.

А Луна на землю сходит
В окруженьи звёзд,
Разговор со мной заводит
Не скрывая слёз.

— Ты звала меня, Дарина?
Я пришла на зов.

Но пришла я ради сына —
Мой удел таков.

Сын мой милый, долгожданный
Болен тяжело.
Позабыл чины и саны —
В думах всё чело.

Любит он тебя без меры,
Как никто другой.
Он затмил всех кавалеров
Неземной красой.

Он одной тобою бредит —
Ночь ли то иль день.
Исхудал, лицом стал бледен,
Превратился в тень.

Вслушайся в моё ты слово
И поверь ты мне:
Любишь ты ведь Домового,
Как в каком-то сне.

В моём царстве он прекрасен,
Строен и высок,
Но в глазах землян — ужасен!
Видеть — не дай Бог!

Он мечтам твоим явился
В твой девичий сон,
А потом всерьёз влюбился
И забыл, кто он.

Он живёт в дворцах роскошных —
Там ведь благодать!
Полюбив, он всё ж не может
Человеком стать.

Излечись от наваждений,
Позабудь о нём,
Разлюби без сожаленья,
Грусть сожги огнём.

А сейчас он пред тобою
Станет кем и есть.
Я прошу, владей собою,
Всё прими, как есть.

Тень шагнула мне навстречу —
Милый предо мной!
Вижу руки, губы, плечи,
Вижу взгляд родной.

Мы уста в уста друг к другу
Льнем душою всей,
И кольцом свиваем руки
Крепче и сильней.

Не успев сказать ни слова,
Он вдруг застонал.
И в обличье Домового
Предо мной предстал.

Стал лохматым и ушастым,
С Нечто чем-то схож.

Весь глазастый и лобастый,
Кто ж он? — Не поймёшь!

Он стонал и выл ужасно,
Слёзы горько лил
И зывал ко мне напрасно —
Я лишилась сил.

А когда я поочнулась,
Ночь почти прошла.
Я рассвету улыбнулась
И домой пошла.

И с тех пор та тень ни разу
Не вошла во двор.
Не лечилась я от «сглазу» —
Всё ведь это вздор!

И тут скрипнула калитка,
Псы подняли вой.
Чья-то тень мелькнула притко...
— Кто ж там? — Домовой!

Врассыпную девки, парни...
Шум, собачий лай!
Но в душе у старой Дарьи
Вновь расцвёл тот май.

В дом она вошла с улыбкой,
Зная, чей привет
Послан был у той калитки
Через столько лет.

Дарья в зеркальце взглянула —
Прежняя она!
Юность ей на миг вернула
Полная луна.

Нежный, ласковый, пригожий
Мил предстал пред ней.
Но, как жаль... Заря, похоже,
Шлёт разлуку ей.

Петушок, зарю встречая,
Крикнул на шестке,
И от сна очнулась Дарья
С цветиком в руке.

Незабудочку — цветочек
Милый подарил.
Прежней радости глоточек
Ей прибавил сил.

И пошла старуха ставить
Для хлебов квашню.
А рассвет уж начал таять,
Уступая дню.

ЧЕРТ ХРОМОЙ И ВЕДЬМА МАРЬЯ

— Баба Дарья, ходят слухи
В нашей стороне,
Мол, ты нанялась в прислуги
К бесовой семье.

Что ночами будто ходишь
По воду к реке,
Что с полудня баню топишь
Там, в березняке.

— То не слухи и не сплетни,
Не пустой трезвон,
Не какие-нибудь бредни —
В том есть свой резон.

— Так поведай нам об этом,
Не таись от нас!
— Хорошо! Перед рассветом
Всё свершится враз.

Так и быть — вы приходите
К баньке в час ночной.
Из крапивы прихватите
Веничек с собой.

Я ж пойду, вздремну немножко —
Ночь ведь не спала.

И ступая по дорожке,
Тихо в дом вошла.

День прошёл и майский вечер
Над землёй повис.
Девки, парни из заречья
В кучу собрались.

Друг за дружкой по тропинке
Все — к Сапун-горе!
У парней дрожат коленки,
У девчат — вдвойне!

Прибежали... Бабки нету —
Бестия она!
Дело движется к рассвету,
Меркнет уж луна.

Вдруг со скрипом отворилась
Ветхой баньки дверь.
Над порогом что-то взвилось —
То ли чёрт, то ль зверь.

Пар клубами — лёгкий, жгучий,
Ввысь и вширь — кругом...
Чёрт от жару, как падучий,
Кружит колесом.

Тут и Дарья выбегает
С пылу-жару вся!
Веник жгучий с рук хватает,
Взгляд на дверь кося.

Кто смелее — вслед за нею
И в предбанник — шмыг!
За скрипучей старой дверью
Затаились вмиг!

И сквозь щёлку с любопытством
Озорно глядят...
Ну, а Дарья — быстро, быстро
На крыльцо опять.

Чёрта юркого хватает
И в парилку с ним.
Ковш воды в него плескает
Для поддержки сил.

А потом за хвостик сивый —
Снова на полук!
Свежий веник из крапивы
Сбил ему вдруг рог.

Рядом с ним колдунья Марья
Нагишом лежит,
Бабка Дарья её парит,
Веничком кропит.

Хвост у Марьюшки ослиный
Дан самой судьбой,
Волос чёрный, взгляд блудливый,
Гадкая собой.

Чёртик хроменький и Марья
Третий день уж здесь.

Им прислуживает Дарья —
Выпала же честь!

Всё потом... Пока изводит
Их она жарой.
За нос нечестивых водит
В старой баньке той.

Однорогий чёртик просит
Марью жёнкой стать,
Свадьбу где-нибудь под осень,
Втихаря сыграть.

Но у Марьи цель другая —
Красотой блистать!
Чтоб уже в середине мая
На шабаш слетать.

Но не с этим недоумком —
С другом поважней.
Тот, другой, и в бёдрах узок,
И в любви нежней.

Но чтоб тот любил и тешил,
Надо Марье стать
Краше всех колдуний здешних,
Хитрою, как мать.

Бородавки, ус проросший
Легким паром смыть,
А потом холёной кожей
Всех с ума сводить.

Вот для этой цели бабку
Наняли за грош,
Чтоб для них топила баньку
В ясный день и дождь.

Бабка Дарья их крапивою
Жгла от всей души.
Марья стала вся плешивой —
Плата за гроши.

Вдруг достоинство мужское
Кто-то с чёрта снял
В тот момент, когда водою
Ковш его обдал.

Как назло, ну как нарочно —
Хохот у дверей!
Визг и свист в час полуночный,
Шум ватаги всей!

Что тут стало?! Смех и слёзы..
Оба враз ревут.
Бабке венчик курьёзный
В хитрый нос суют.

Хромоногий чёрт от сраму
Провалился в ад,
Впопыхах забыв про даму
И про блудный взгляд.

Марья следом поспешила,
Но её в тот ад

Чья-то жёнка не пустила,
Пнула ей под зад.

И с крутой горы скатилась
Кубарем она,
И у речки очутилась,
Вся, как мел, бледна.

Тут уж с горюшка колдунья
Бросилась в волну.
Царь морской за хвост ведунью
Утащил ко дну.

Вышла Дарья на крылечко,
Видит: старый чёрт,
Затаив в груди сердечко,
Тропочкой идёт.

В преисподней самый главный
Не признал его.
Обозвал щенком поганым,
«Наградил» пинком.

Молодежь так, ради смеха,
С той горы — к нему!
— Черт безрогий! Вот потеха!
Поделом ему!

И с тех пор той бабке Дарье
Слава и почёт.
На помывку к ней ссылают,
В ком завелся чёрт.

Кто в хапуги затесался,
На руку нечист,
Кто в народе так заврался,
Так уж стал речист.

Извелись в селе колдуньи,
Дух чертей исчез,
И с луною в полнолуние
Не балует бес.

Ну а Дарья не для принцев
Вновь крапиву рвёт —
В зиму травушка согдится
Врачевать народ.

ОСИНОВЫЙ КОЛ

— Дорогая баба Дарья,
Расскажи ты нам о том,
Как тебя тропа лесная
Заманила к ведьме в дом.

Как её ты увидала,
Всю иссохшую, в слезах,
Как от чёрных дел страдала
Эта ведьма в тех лесах.

— Хорошо! Тесней садитесь,
Не топчитесь у ворот.
Расскажу, что приключилось
С ведьмой в памятный тот год.

В старом доме у дороги
Некогда жила семья,
По ночам там выли волки,
Да визжала там свинья.

Стали домик стороною
Обходить и стар, и млад.
Всем мерещилось такое!..
Будто в доме — сущий ад!

В той семье росла девчушка
Несравненной красоты,
Но от взгляда той пичужки
Перекашивались рты.

Коль придёт к соседке Мане,
Глянет искоса ей вслед —
Та реветь коровой станет
И невзвидит белый свет.

Коль пройдет между грядок —
Жухнет ранний урожай,
Вкус малины будет гадок —
Собирай — не собирай!

Все девчушку избегали,
Не пускали на порог,

С поволоки её гнали
И ругали — кто как мог.

А девчонка, как подснежник,
Расцветала по весне,
Взор её был безмятежен,
Привораживал к себе.

Волос чёрный в кольца вился,
Падал волнами на грудь,
Весь, как будто бы струился
И сверкал, как Млечный путь.

Брови — бархатные дужки —
Оттеняли ей лицо,
Носик, губки, белы зубки
В дрожь бросали молодцов.

И она красой небесной
Всех затмила на селе,
На парней на наших местных
Не смотрела вообще.

Над приезжими смеялась,
Превращала их в свиней,
Как могла, так потешалась,
Нипочём всё было ей.

До всего ей горя мало.
Лишь махнет платочком вслед,
Глядь — коня уже не стало..
Был, да сплыл!.. И следа нет!

Время шло. И наши парни
Завели свою семью,
А красавица сквозь ставни
Изливала желчь свою.

Как-то раз вблизи болота
Я наткнулась на грибы —
Им там не было и счета,
Хоть лопатами гребь.

Я один грибок к другому —
Вмиг корзину набрала,
Заспешила сразу к дому,
Там квашня меня ждала.

Вдруг меж сосен золотистых,
Недалёко от ручья,
Вижу домик неказистый,
И к нему свернула я.

Ни тропинки, ни дорожки —
Всё крапивой заросло.
Как-то стало мне тревожно,
В сердце что-то заскребло.

Всё ж решила: посмотрю-ка,
Может, кто и есть внутри?
Вижу: древняя старуха
Смотрит прямо из перин.

Было ей на вид лет триста —
Страшно глянуть, так стара,

Цвет лица такой землистый,
Будто мохом обросла.

Тусклый взгляд смотрел с тоскою,
Впалый рот кривила дрожь,
Нос пугал своей длинною:
Тонкий, острый — словно нож.

На перовых на подушках
Космы белые лежат,
Измождённой той старушке
Видно больше уж не встать.

Вдруг она заговорила
Так скрипуче, глухо так,
Будто все собрала силы
В свой иссохшийся кулак.

— Дарья, Дарьюшка, я знаю
С детских лет уже тебя,
Потому к тебе взываю —
Не оставь в беде меня!

Да, в селе, где ты родилась,
Много сделала я зла.
Сколько слёз людских пролилось,
Сколько со свету сжила?..

Ты, конечно, догадалась,
Кто тут плачет пред тобой.
Чья в грехах погрязла старость,
Чей в смятении покой?

Ты одна со мной играла
Не боялась ты молвы,
Я ж тебя всё обижала.
Поздно каяться — увы!

Я была в обличье Стешы —
Знаешь, всем ведь я взяла!
Я хотела быть безгрешной —
Не сумела, не смогла.

Я плевала в тот колодец,
Из которого пила,
Красотой сравнилась с солнцем.
Но любимой не была.

И в конец от зла взбесилась.
Села в ступу и — в трубу...
Долго по небу носилась,
Чую — боль в груди, в боку.

Я всегда в обличье Стешы
Пролетала над землёй.
Я была цветочком нежным,
Что же случилось со мной?

Чую, дар теряю прежний,
Красота ползёт с лица,
Нет во мне уже надежды
Долететь хоть до крыльца

Всё ж спустилась. Сразу зелье
Я сварила для себя,

Но и тут мне невезенье —
Наговор забыла я!

Я все книги пролистала,
Все страницы там ветхи.
Значит, всё ж пора настала
Отвечать мне за грехи.

Мне уменье колдовское
Мой прапрадед передал.
Завещал он мне, Прасковье,
В чистоте хранить сей дар:

— Зло не делай добрым людям,
К сырим с помощью спешу,
От тоски, от хвори лютой
Средства верные сыщи.

Говорил мне в назиданье:
— Знай, Прасковьюшка, о том,
Коль во зло истратишь знанья,
Жизнь пойдёт вся кувырком.

И тогда лет двести-триста
Будешь жить ты на земле,
Будешь с силою нечистой
Куролесить на метле.

Красотой сверкать ты будешь
Лишь в обличии чужом,
Многих ты тогда погубишь,
Многим станешь палачом.

Вот тогда за грех великий
Потеряешь чудо-дар,
Всё в тебе навеки сникнет,
По делам будет удар.

Бог откажет в покаянье,
Смерть побрезгует тебя,
Будет ночь глуха к рыданиям,
Не зажжёт в груди огня.

И тогда одно спасенье —
Всё ж кого-нибудь просить
В грудь твою без сожаленья
Кол осиновый вонзить.

Смерть придет в одно мгновенье
И избавит от грехов...
— Вот такие наставленья
Мне достались от него.

Не послушала... И нынче
Я от холода горю.
Совесь так в меня и тычет,
Так корит за жизнь мою.

Я у Бога днём и ночью
Всё прощения прошу.
Уж от слёз ослепли очи,
А я всё надежду тщу.

Но господь меня не слышит,
Хоть заплачусь, закричусь...

Смерть же рядом где-то рыщет,
Половицами скрипит.

— Что же делать мне, бабуся,
Где же помощи просить?
Ведь сама я не решусь
В сердце кол тебе вонзить.

Позову я лесоруба,
Что у просеки живет, —
Ты его зазнобу Любу
Утопила в прошлый год.

Ты и Стешу заманила
В лес дремучий, в лес густой,
В злобе ты её убила —
Нет красоты той неземной.

Лесоруб пришел в избёнку,
Кол осиновый поднял
И, метнув прям в старушонку,
В сердце грешное попал.

И она мгновенно в Стешу
Превратилась на глазах;
Лесоруб и я, опешив,
Видим мёртвую в слезах.

Как невесту обрядили
Эту чудную красу.
Всей деревней схоронили
В том берёзовом лесу.

Я на холмик одинокий
Приходила иногда:
Голос Стеши тихий, тонкий
Звал по праздникам сюда.

Я задумчиво сидела
В той, особенной тиши,
Надо мною пташка пела —
Пела голосом души.

Бабка встав, перекрестилась,
И, смахнув слезу рукой,
С деревенскими простилась
И пошла к себе домой.

ЛЕШИЙ

Над селом в погожий вечер
Всходит месяц молодой,
Засветились звёзды-свечи
Над Сапун-горой крутой.

У ворот своих скрипучих
Бабка Дарьюшка сидит,

За околицей дремучий
Хвойный лес во тьме шумит.

На плечах у бабы Дарьи
Тёплый ласковый платок.
Синий вечер вновь ей дарит
Прошлой юности глоток.

Рядом с Дарьей — слева, справа
На скамейке молодёжь.
— Ну когда ж, — ей шепчет Клава, —
Сказ про Лешего начнёшь?

Ты ведь нам пообещала
Всё о Лешем рассказать,
Про сову, что зло вещала,
Тоже хочется нам знать.

— Хорошо! Я в бор дремучий
Ведь не просто так хожу,
Для меня он самый лучший —
В нём отраду нахожу.

Собираю там я хворост,
Заодно грибы беру,
Несмотря на зрелый возраст
Черемшу внаклонку рву.

Раз, почти уже под вечер,
Вижу, теплится костёр...
Час от часу всё не легче —
Ниоткуда вдруг шатёр!

В тот костёр вязанку бросив,
Я скорее на тропу!
А на травы пали росы —
Так и жгут мою стопу.

Вдруг меня окликнул парень —
Статнее на свете нет!
И в плечах косая сажень,
А в глазах — лазури свет.

Ветерок едва приметный
В кудрях парня шелестит,
Плащ крылатый, семицветный
Серебром на нём блестит.

Я пред ним остановилась
И во все глаза гляжу,
В своей памяти порылась —
В ней его не нахожу.

А в дупле сова-старуха
Приоткрыла чуть глаза
И заухала так глухо,
Будто где-то шла гроза.

Старый лис седым хвостиком
След к норе своей замёл.
Бор шумел всё тише, тише,
Звёздный дождь в полнеба цвёл.

И я слышу голос тихий,
Голос с лёгкой хрипотой:

— Вспомни, Дарья, жизни вихри,
Вспомни, кто же я такой?

И в одно мгновенье ока
Парень мохом пооброс,
Борода — трава осока,
Брови щёткой, плоский нос.

Я ничуть не испугалась,
В помощь Бога не звала,
В щёлки глаз глядеть старалась,
Сколь светилось в них тепла!

— Ты же знаешь меня, Дарья,
Много-много лунных лет.
Ты краса была земная,
Я же Лешим был сто лет.

Я стерёг законы леса,
Кедр от недруга хранил,
Гнал с болота злого беса,
Заблудивших выводил.

Одержим я был мечтою:
К звёздам лестницу сплести,
К брату-месяцу с тобою
По ступенькам в дом войти.

Плёл я лестницу годами
Из тончайших волосков,
Украшал её цветами
И гирляндами венков.

Но я — Леший. Я бессмертен,
Я не старюсь никогда.
Для тебя лишь я приметен,
Моей вечности звезда!

И сейчас ты станешь юной,
Ещё краше, чем была,
Я хочу, чтоб ночью лунной
Незабудкой ты цвела.

И в какой-то миг я стала
Нежной, милой, молодой.
В ней себя я не признала —
То цветок был неземной.

Мы по лестнице поднялись
К лучезарным облакам,
Нам ветра помочь старались:
Дули друженько слегка.

Но сова в бору когтями
Впилась в лесенку тайком,
Незаметной, вместе с нами
Прилетела в царский дом.

Леший юношей пригожим
Во дворец со мной вошёл,
Нам навстречу, с братом схожий,
Сам хозяин дома шёл.

Златокудрый месяц ясный
Встретил нас родней родных,

До чего ж он был прекрасный
Среди звёзд своих златых.

Он сказал мне: — Ты, Дарина,
Лечишь делом и словом,
В честь тебя цветёт долина,
Сотворённая Творцом.

В той долине Семицветик
Только раз в году цветёт.
Ты нарви себе букетик —
Юность вновь в твой дом шагнёт.

Но сова, услышав это,
Намотала всё на ус.
Обмануть ей человека —
Что комарика укус!

На часах она сидела,
Да! На звёздных на часах!
Всё прослушав, улетела,
Зависть спрятавши в глазах.

Ну, а Месяц нас мгновенно
Наземь тихо опустил,
Сам скорей — в свои владенья,
Там он землю осветил.

Я вернулась в свои годы,
Леший мохом пооброс,
Вновь житейские заботы
Белый свет нам преподнёс.

— А сова? Что с нею стало?
Превратилась ли в птенца?
— Нет! Ведь завистью страдала
Вплоть до самого конца.

Лишь цветка она коснулась —
Лепестки — головки змей!
Ввысь она было рванулась —
Мир развёрзся перед ней.

— Где ж теперь лесничий Леший?
— Ходит-бродит по лесам,
Да кедровые орешки
Рассыпает тут и там.

Дарьюшка, зевая, встала
И пошла к себе домой.
Шаль её так и блистала
Серебристой бахромой.

Молодёжь, как будто птицы,
Разлетелись по дворам,
Послипались их ресницы:
Спать давно уже пора.

Ну, а Дарья засветила
В доме яркую свечу,
Тесто-сдобу замесила:
Быть к обеду калачу.

Синяя птица

Тихий вечер. На крыльчке
Баба Дарьюшка сидит.
На любимое колечко,
С тихой нежностью глядит.

Рядом с ней девчата, парни
Попритихли в этот час
И от старой бабки Дарьи
Ждут обещанный рассказ.

— Расскажи нам, баба Дарья,
Как ты в дивную страну
Отпустила из сарая
Птицу вещую одну.

— Расскажу про то, что было,
Ничего не утаю,
Что мне птица говорила —
Слово в слово повторяю.

В те года я беззаботно
У родителей жила,
В хоровод плясать охотно
Я с ровесниками шла.

Как-то раз я после пляски
Перелеском шла домой,
Звёзд голубенькие глазки
Чуть мерцали надо мной.

Вдруг во тьме что-то сверкнуло...
В страхе ёкнула душа.
В голове моей мелькнуло:
Там, наверное, пожар!

Нет! То синь легла такая —
Не зажать её в руках.
Вижу, птица неземная
Дремлет в ивовых кустах.

Я тихонько к ней подкралась
И за хвост скорее — хватать!
Как из плена она рвалась...
Слов тех нет о том сказать...

И со мной заговорила
Птица голосом земным,
Умоляла и просила
Отпустить её к своим.

— Дам тебе без меры счастья,
Дам богатство и почёт,
Сохраню от всех напастей,
Сберегу от всех невзгод.

Всё отдам тебе в угоду.
Всё, чем в жизни дорожу,
Но взамен — глоток свободы,
Лишь свободы я прошу.

— Ничего-то мне не надо,
Птица-счастье, от тебя —

Ни богатства, ни награды,
Ни дворца из хрусталя.

Лишь прошу тебя: останься
До предутренней зари.
Не кручинься, не печалься,
Слёзы горькие утри.

В полушалочек дарёный
Я укутаю тебя,
И в сарае, там, за клёном,
Подождём рождение дня.

Мне доверилась та птица,
Слёз не стала проливать,
Согласилась до зарницы
О себе всё рассказать.

До утра мы с ней, как сёстры,
Говорили обо всём.
Уж на травы пали росы,
А мы всё о том, о сём.

— И о чём же говорила
Птица царская тебе?
Как её ты проводила,
Видел кто-нибудь в селе?

— Ну к чему вы перебили?
Снова надо вспоминать.
Снова что ли «Жили-были»
Бабке надо начинать?

Видел кто или не видел?
Что сказала и когда?
И какого цвета крылья?
Хороша или дурна?

И зачем же торопиться,
Наперёд все забегать?
То, что молвила Царь-птица
Я могу пересказать:

— Вот ты дивишься, девица,
Кто же я, с каких я мест,
Почему в земных границах
На ночлег ищу насест?

Почему не вью гнезда я,
Почему всегда одна?
Где семья моя родная,
Отчего я так грустна?

Моя Родина далёко —
В центре Млечного пути.
Горы там встают высоко —
Неприступные почти.

Там бурлят меж скал потоки,
С рёвом скатываясь вниз,
Там страна моих потомков,
Там течёт иная жизнь.

Родилась в стране я этой
Средь причудливых лесов,

Для землян я лишь легенда
Из красивых вещей снов.

Я родителей не помню,
Меня, крохотку-птенца,
Воспитал, дав злую долю,
Брат двоюродный отца.

У меня была старушка —
Няня с самых малых лет.
Её внучка — мне подружка...
Жаль, на свете их уж нет.

Мне они и рассказали
Всё про дядины дела:
Сбросил он отца на скалы,
Мама с горя умерла.

Мне в наследство — трон и почесь,
Синих птиц несметный счёт,
И студёных вод источник,
И мерцанье синих звёзд.

Но я знаю: дядя хочет
Это всё к рукам прибрать,
Чтоб страной и днём и ночью,
Да и мной повелевать.

Расцвела я. И невестой
Стал меня он называть.
Во дворце мне стало тесно,
Я решилась всё ж бежать.

И тогда прислал он сватов
Разодетых в пух и прах,
Сам юлил и ползал гадом,
Лик меняя на глазах.

Отказала... Он во гневе
Чёрным вороном вскричал
И в узорчатые двери
Колдовской метнул кинжал.

Миг! — и я вдруг очутилась
В незнакомой мне стране,
С горя я крылами билась
И металась по земле.

И с тех пор от зорьки к зорьке
Я летаю над землёй,
Только к ночи потихоньку
Опускаюсь на покой.

Мне укрыться от прохожих
Так бывает нелегко,
Как ни будь я осторожна —
Свет мой виден далеко.

Как-то раз, уже под осень,
В ночь при полной при луне
Тень мелькнула между сосен
И направилась ко мне.

То была Сова-старуха,
Одряхлевшая совсем.

Мне она шепнула в ухо
Тайну, скрываю от всех:

— Кто тебя в полон поймает,
Твой пусть крепче держит хвост,
Пусть желанье загадает,
Но... одно! Вот в чем вопрос.

И как только то желанье
Ты исполнишь, в тот же миг
Прекратятся все страдания...
Тень исчезла. Голос стих.

Но, Дарина, нет на свете,
На мою-то на беду
Той мечты одной, заветной,
Той, которую я жду.

Говорю я Синею птице:
— Есть желание одно —
Вот сквозь сердце оно мчится,
Вот в руках уже оно!

Я открыла дверь сарая
В предрассветную зарю:
— Ты свободна, дорогая!
Улетай в страну свою.

Вдруг над самой головою
Злобно ворон прокричал.
Вместе с чёрною тоскою
Наземь замертво он пал.

Смолкло всё. Кругом так тихо...
Красота и благодать!
Над селом, над Панкрушихой
Стало солнышко вставать.

Легче пёрышка Царь-птица
Мне вспорхнула на плечо:
— Я хочу с тобой проститься,
Дать в подарок кое-что.

Там, в заоблачных просторах,
Буду помнить о тебе,
О глазах твоих зелёных,
О душевной красоте.

С нею мы расцеловались
Перед самою зарёй.
Как родные распрощались,
Птица — в небо, я — домой!

Лишь когда домой вернулась,
Рассмотрела я кольцо.
Как оно мне приглянулось,
Сколько в нём играло солнц!

А в ладошках вдруг я вижу
Синих пёрышек штук пять,
Голос птицы ясно слышу:
— Будешь счастье с них вязать.

В узел пёрышки завяжешь,
Слово «счастье» тихо скажешь

И кольцо вокруг обведёшь,
То, что надо — то найдёшь!

И с тех пор ни разу птицу
Не встречала я нигде.
Но молва о Синей птице
Так и ходит по земле.

Я ж без всяких наговоров
В жизни счастлива была.
А теперь, без разговоров —
По домам! — И с тем ушла.

ОТ АВТОРА

Всё это навеяно сказками моей мамы. Она у меня была кладезем всего таинственного и сказочного, к тому же была настоящей красавицей.

Всё происходит в селе Панкрушиха, Алтайского края.

А сказку про Синюю птицу я слышала тоже от своей мамы. Потом забыла о ней. Пёрышки, которые я увидела на базаре, воскресили в памяти эту сказку.

Сказки писать трудно, особенно трудно было писать сказку «Осиновый кол», тем более с таким концом, но я не могла написать по другому (оставить ведьму умирать своей смертью). В народе в легендах живёт именно такая вот концовка.

СКАЗОЧНИЦА

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперёд гляди,
Это присказка покуда,
Сказка будет впереди...

*А. Твардовский.
Поэма «Василий Теркин».*

Калининградская область — самая западная точка России. «Янтарный край» — так ласково, с любовью называют калининградцы свою землю.

Калининградцы — это наше общее имя. Оно звучит так же гордо как москвичи, ленинградцы, сибиряки... Нам есть кем и чем гордиться. Военные, рыбаки, железнодорожники, строители, врачи, учителя... Все люди достойные и уважаемые. Что ни судьба — тема для разговора.

Совсем недавно мне пришлось побывать в городе Черняховске. Пригласили в гости местные писатели из литературного объединения «Рассвет». В 2009 году литературное объединение отметит свой 60-летний юбилей. Самодельные писатели и поэты — это люди, беззаветно преданные литературе. В. Остен, В. Кузнецов, В. Данилов, В. Шамардин, А. Лунин начинали в «Рассвете». Теперь ими гордятся не только Черняховск, но и вся Россия.

Я с детства люблю этот город. Он какой-то особенный. В нём до сих пор дружно соседствует прошлое и настоящее. Старинные булыжные мостовые и современные автомобили. Седой от времени горбатый мост через тихую речку Анграпу и молодые влюбленные. Памятник Барклаю-де-Толли и памятник Ивану Черняховскому, зеленый Шпринт и Маёвка с красными че-

репичными крышами. Дом офицеров и старый парк. Но самое главное в этом городе — люди. Дружелюбные, веселые и талантливые. Наша литературная встреча проходила в стенах городской библиотеки. Для писателей и поэтов пообщаться друг с другом — хлебом не корми. Чтение новых произведений, споры, мысли вслух, вопросы и ответы — всё едино. А эмоций сколько! Вот я слышал, что у спортсменов на ответственных соревнованиях адреналин в крови зашкаливает. Чепуха! На таких вот литературных встречах этот адреналин у писателей с читателями не просто зашкаливает — закипает в груди. А иначе и быть не может. Ну, представьте себе — звенящая тишина зала, дружный, одобрительный смех, аплодисменты. Вот она живая рецензия на твои произведения. Всё написано на лицах. Уже прощаясь со мною, заместитель главного редактора городского литературного журнала «Берега Анграпы» Галина Владимировна Каштанова-Ерофеева, вдруг загадочно улыгнувшись, сказала:

— Виталий Евгеньевич, а у нас в городе есть своя сказочница. Не хотите познакомиться?

Сказки знают все. По крайней мере, каждый из нас может вспомнить несколько сказок: «Репку», «Колобка», «Аленький цветочек», «Дюймовочку»... А вот кто может похвалиться тем, что знаком с настоящей сказочницей? От такого знакомства я не мог отказаться.

— Топтыгина Надежда Сергеевна, — смущённо поздоровалась со мной невысокого роста седоволосая, хрупкая женщина. И, словно извиняясь за то, что мне пришлось задержаться ради знакомства с ней, попыталась оправдаться:

— Да какая я сказочница, так, баю то, что бабушка да мама рассказывали мне в детстве, да то, что сама вижу да слышу.

— Не приbedняйтесь, Надежда Сергеевна. Сказку

любой человек может рассказать. Но, как в пословице говорится, не всяк спляшет, как скоморох, — хитро подмигнула мне Галина Владимировна, — Вы бы лучше показали свои сказки Виталию Евгеньевичу.

Из Черняховска в Калининград я увозил тоненькую папочку со сказками.

Удобно устроившись у окна автобуса, я, как только он отъехал от автовокзала, открыл сказочную папку. Сказки! Последний раз мне приходилось читать их года четыре назад внуку. Теперь ему не до сказок. Стал взрослым. Теперь у него вместо книг на первом месте компьютер. «Страшилки», «стрелялки», «гонки», Интернет. Детство у наших детей и внуков стало короче в два раза. Меня и моих двоюродных братьев сразу после школы на всё лето отправляли в деревню к деду с бабой — на витамины, как любили шутить по этому поводу наши родители. Ягоды, фрукты — всего вдоволь. Парное молоко, свеженепечённый хлеб из русской печки, домашние яйца из-под курицы. А ещё испечённая в золе костра картошка. Уха в ночном на берегу тихой речки. Каждый вечер, уютно устроившись на печи, мы, затаив дыхание, с любопытством слушали бабушкины сказки о хитрых лисицах, о Бабе Яге — костяной ногой, о русалках, о домовых. Бабушкины сказки всегда со мной. Я надеюсь, что мне будет, кому их рассказать.

Расстояние от Черняховска до Калининграда — 85 километров. Полтора часа в пути. «Ну что же, — подумал я, — у меня есть время, чтобы, как говорят, с головой окунуться в детство».

Сказки Надежды Сергеевны были написаны в стихотворной форме. «Зимняя сказка», «Леший», «Перунов огнецвет», «Синяя птица», «Лебёдушка» — пять сказок. Названия — одно интереснее другого.

«Так какой же сказке первой отдать предпочтение?» — задумался я, предвкушая занимательное чте-

ние. Как вдруг автобус резко затормозил и съехал на обочину дороги. Папка, лежавшая у меня на коленях, подпрыгнула, как живая, и страницы со сказками, словно решив вернуться к своей сказочной хозяйке, разлетелись по салону автобуса. Водитель костерил на чём свет стоит лихача-дальнобойщика, подрезавшего нас на выезде из деревни Междуречье, а пассажиры сочувственно отнеслись к моей проблеме: уже через несколько минут волшебные листки были собраны и водворены назад в папку. Я облегчённо вздохнул, но на всякий случай решил пересчитать их. Одна, вторая, третья, четвертая... Одной сказки не хватало. Хотите верьте, хотите нет, но не хватало «Синей птицы». Чудеса, да и только.

— Товарищи! — обратился я к сидящим в автобусе пассажирам, — никто из вас случайно «Синюю птицу» не видел?

Мой вопрос нашёл широкий отклик в сердцах пассажиров. Кто-то рассмеялся в ответ, кто-то шутливо поинтересовался, сколько я принял на грудь, перед тем как сел в автобус. В таких случаях обычно говорят: какой вопрос — такой ответ.

— У меня есть две синих птицы местного птицепрома, могу одну уступить, — пошутил сидящий сзади меня молодой парень.

— Друзья, вы неправильно меня поняли, — попробовал я повторно разъяснить развеселившимся пассажирам свою проблему. — «Синяя птица» — это сказка, а она куда-то улетела, то есть могла улететь.

— Да не волнуйтесь вы так, мужчина, кажется, ваша «Синяя птица» к нам с дочкой залетела на багажную полку, — раздался наконец спасительный для меня женский голос. Сидящие напротив в соседнем ряду мама с дочкой держали в руках злополучную пропажу и приветливо мне улыбались.

— Можно, мама почитает мне сказку? Мы вам её потом отдадим, — попросила девочка.

— Ну конечно, можно, — облегчённо вздохнув, ответил я.

Дождавшись благополучного окончания истории поиска пропавших сказок, автобус тут же оправился в путь. Не знаю, может, это было простым совпадением или мне показалось, но всё произошло именно так.

Еще раз проверив наличие сказок в папке, я уже хотел спрятать её в портфель, решив больше не рисковать и прочитать сказки дома. Как вдруг...

— Мужчина, — потрогал меня за плечо шутник-сосед, сидевший сзади, — ты за шутку не обижайся, ладно?

— Ладно, ладно, — успокоил я его.

— Я чего хочу у тебя спросить, — встав со своего места, он сел рядом со мной. — Это что, правда, у тебя сказки или как? — И он покосился на папку в моих руках.

— Сказки. Самые настоящие. Но не мои...

— А чьи? — удивлённо уставился он на меня.

— Одной моей знакомой сказочницы Живет она в городе Черняховске и зовут ее Надежда Сергеевна Топтыгина.

— Ишь ты, фамилия какая у твоей знакомой, прямо сказочная, — раздумчиво произнёс он. — Дашь почитать?

— То есть? — теперь уже я удивлённо уставился на него. — Вы, взрослый человек, хотите почитать сказки?

— А почему бы и нет, — пожал он плечами, — будет, что сыну сегодня перед сном рассказать.

— А вам какую сказку дать?

— А какие есть?

— Разные, — я раскрыл папку, — вот про Леше-

го, «Зимняя сказка», «Перунов огнецвет», «Лебедушка» ...

— Давай «Зимнюю сказку», — серьёзно посмотрев мне в глаза, сказал он. — Про Лешего вроде как бы сыну рановато — ещё три года ему. Вдруг плохо спать будет.

— А мне, если можно, про лешего дайте... а мне про лебедушку, а мне... — раздался голоса пассажиров.

— У меня их всего три осталось, — растерянно произнёс я.

— Ничего, ничего, вы не переживайте, мы обмен устроим, — успокоил меня какой-то мужчина, — дорога длинная.

В автобусе стояла удивительная тишина. Взрослые дяди и тётки читали сказки. Наверно, так вот и становятся сказки народными, подумал я. Ведь по большому счёту совершенно не важно, кто их написал. Главное, что они несут в себе доброту и радость. Учат не только детей, но и взрослых жить в этом мире по любви и справедливости.

Виталий ШЕВЦОВ,

председатель

*Калининградского регионального
отделения Союза писателей России.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сапун-гора	3
Перунов огнецвет	11
Ведьма	16
Домовой	21
Чёрт хромой и ведьма Марья	31
Осиновый кол	37
Леший	46
Синяя птица	53
От автора	61
Сказочница	62

Гарнитура «Литературная».
Печать принтерная.
Условных печатных листов 18.
Тираж ограничен.

